

Андрей Петрович Расторгуев родился в 1964 году в городе Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Кандидат исторических наук. Работал журналистом, госслужащим, в коммерческих структурах. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учеба», «Урал», «Север» и др. Автор 8 книг стихов, переводов и литературно-критических статей. Лауреат государственной премии республики Коми, премии журнала «Урал», литературной премии Уральского федерального округа. Член Союза писателей России. Живет в Екатеринбурге.

Андрей Расторгуев

ЗЕРНА В ЖЕРНОВАХ

* * *

Оклеивают окна киевляне,
взамен бумаги нарезая скотч, —
познание физических явлений
с умением ушедших поколений
в крови соединяется точь-в-точь.

Но от гражданской нынешней войны
прилета ждут с обратной стороны,
где на востоке призрачной страны
в районе северодонецкой поймы
бетонной пылью позанесены
оконные расстрелянные проймы.

И посреди ленивой канонады
на свежем ветерке и матерке
по ту и эту сторону команды
разносятся на русском языке...

* * *

...И торкнуло: может, и впрямь не зря
мне десять минут прохладцы
до места расстрела того царя
со чада и домочадцы?..

Гневится аккаунтами бомонд —
кто прямо, кто намекая.

И вот уже снова в ходу Бальмонт,
порочащий Николая.

Эмоцию пиксель не передаст,
а выбор понятен: да — нет...
Глазами по свите: а кто предаст,
и кто на курок надавит?

Но и в переплясе огня и льда
подчас ни к чему оттенки.
Чего выкаблучиваться, когда
лопатки уже у стенки?

Сегодня решай, словно сердце рви,
а завтра — гораздо плоше.
Сегодня — не столько еще крови,
а завтра — гораздо больше.

Сегодня — еще не любой ценой,
и завтра еще не стынет.
Не будет у русских страны иной,
проспать — и такой не станет.

Приступят — не сыщешь потом имен:
одни костяки да заросли...
И слава Богу, что разведен,
а обе царевны выросли.

* * *

Наслаждаясь исходом холодной войны,
я бродил по останкам Берлинской стены —
хоть и красной чертою продлилась,
хорошо, что к чертям провалилась.

Не минуло тогда двадцати и пяти,
как я видел ее в недоступной плоти:
если в камень одета граница —
ни дотронуться, ни прислониться.

А теперь красота, а теперь лепота —
проходи в Бранденбургские ворота.
Поглядеть на стеклянноголовый рейхстаг —
по сегодняшней мерке, пустяк...

Но я чуял подошвой: бугрится асфальт
и брусчатый покачивается базальт:
то ли прорва еще не схватилась,
то ли просто земля подавилась.

Так и прожил расслабленные времена,
ожидая, где вывернется она —

на которой кроващей границе
в осязательной плоти возродится...

Как сегодня бы здорово было, ей-ей,
наслаждаться исправностью чуйки своей,
если б неумолимо и резко
по-живому не шла занавеска.

* * *

От красного вина
хмельна, недалеко
качается война,
как маятник Фуко.
Пойдет налево — ах!
Пойдет направо — бах!
И оседает страх
на сестринных губах.

От шевеленья льда
на тихие дворы
лавиною вода
срывается с горы,
а оглянись назад —
навряд ли на авось
поймешь, кто виноват,
что это началось...

Во временной петле
раздвоились часы,
не стало на земле
ничейной полосы.
И не переменить,
коль маятник не врет...
И как разъединить,
никто не разберет.

* * *

Спрашивать за вину ли
с того сперва,
кто сыплет зерна
в тяжкие жернова?
Или виновен более,
кто зерну
дал на прокорм
разверстую глубину?

Зубы драконьи
или живая рожь —

глядя на комья,
сразу не разберешь.
Жизни ли возрождаться
из-под руки?
Надо ростков дожждаться
или муки.

Выйдут ли караван
потом туги,
или раскрошатся
каменные круги?..
Хлебную плотью
да на драконий зуб —
оборони щепотью
касание губ...

* * *

Хоть еще Россия велика,
некуда опять нам на попятную.
Были войны после сорок пятого —
а подобной не было пока.

Жизнь моя в запасе прожита,
а не под зелеными погонами
потому, что жизнью миллионами
наперед оплачены счета.

Долгий мир не всякому вредит,
но, похоже, кончился кредит —
те, что не пошли на мировую,
новых повели на мировую.

* * *

Это праздник со слезами на глазах...

В. Харитонов

Когда до западной границы
война подвинется и минется,
мы всех оплачем: и донецких,
и мариупольских, и винницких,
одесских, харьковских и киевских,
рязанских, белгородских, кировских —
перечисляй без перескока
тех, кто теперь и раньше вскинулся
от Чопа до Владивостока...
Тех, кто упал побитым колосом
так, что не вынести, не вывезти,

по городам и лесополосам
без погребения и без вести —
огаличенных, ополяченных,
но преуспевших ненамного...
И тех, чьей гибелью оплачена
победа, а не перемога.

Скажи их рядом или выкричи.
Когда не против — или-или,
два слова этих — тоже родичи:
превозмогли — и победили...
Победа — потому что пятиться,
похоже, дальше не получится.
Не все повинные поплатятся —
иные вовремя покаются,
иные за морем очутятся.
Но с ними после, а в победное
сулимое переиздание
услышь за музыку медною
рыдание как понимание...

* * *

Все чередую — по силе
данного лету тепла.
Время пришло — распустили
лилии колокола,
да не единым порядком,
и не понять одного:
звонница встала над грядкой
или посты ПВО —
или воскреснувший диктор,
выйдя на свет из метро,
снова зачтет в репродуктор
сводку Совинформбюро,
что нам порою осенней
в темные ждать вечера...

В воинской части соседней
выла сирена вчера...